

Борис Грушин. Это – надолго.

К 10-летию со дня смерти Б. А. Грушина

18 сентября исполняется 10 лет со дня смерти Бориса Андреевича Грушина (1929-2007). В конце прошлого века он написал небольшое автобиографическое эссе под многоговорящим названием: «Горький вкус не востребоваанности». К тому моменту ВЦИОМ уже был создан, но Грушин, наверное, еще не знал, что вскоре он его покинет. В 2001 году в интервью Ольге Кучиной Грушин сказал, что его жизнь была бурной, но не состоявшейся. Затем уточнил: «... Состоялась, но не удалась».

Десять лет – большой срок. Вполне достаточный, чтобы и личность человека, и его дело забылись. Прожитое и сделанное Грушиным выдержало такое испытание временем. Он – часть актуальной истории, развивающейся и обсуждаемой. Сделанное им, его имя – часть той советской / российской социологии, которую знают даже самые молодые представители нашего профессионального цеха. Причин для этого – много, но главную – я вижу в том, что Грушин работал на будущее. Иначе не мог.

Книга «Мир мнений и мнения о мире» увидела свет точно полвека назад, но она интересна даже внукам тех, для кого она писалась. 9 июля этого года Андрей Корбут записал на своей fb-странице: «Наконец отсканировал классику советской социологии — книгу «Массовая информация в советском промышленном городе» [1], в которой изложены результаты знаменитого Таганрогского проекта. Стоит взглянуть хотя бы ради инфографики».

Напомню, эта многострадальная работа была опубликована в 1980 г. Начнете листать книгу и заметите: нет той страны, нет важнейших социальных институтов той страны, нет той массовой информации, а интерес к книге сохраняется. Что-то в ней удивляет, что-то кажется невозможным, но там есть серьезное стремление разобраться в механизме функционирования тех – уже не существующих – СМИ. И еще есть научная и гражданская смелость.

В первые дни после смерти Грушина я назвал его работу над четырёхкнижием «Четыре жизни России» подвигом. Во-первых, начиная ее, он понимал, что назад пути нет. В начале работы издатели спрашивали Грушина, как быть, если он не успеет сделать задуманное. Истинный философ и приверженец смеховой культуры он ответил: «Если я помру — напишите: “Автор неожиданно помер!”». Во-вторых, содержание работы выходит далеко за пределы области изучения общественного мнения, она — о власти и населении, о нашем уме и близорукости, о переживаниях и радостях. В третьих, замысел Грушина — свидетельство его огромного, на всю жизнь, погружения в одну тему; это свыше сорока лет горения, самоотдачи, страстности. Я не припомню в отечественной социологии подобного случая.

10 мая 2009 года я получил от В. А. Ядова письмо с припиской: «Боря, это сугубо приватно, можешь использовать после... Привет. Володя». Я уже писал о том, что в моем электронном архиве хранится несколько писем Владимира Александровича с

подобными приписками. К сожалению, «после...» настало, тем не менее я и сейчас воздержусь от полной публикации этого письма. Однако с радостью приведу слова Ядова о Грушине: «Борис Грушин очень был мне близок по восприятию и социологии, и жизни. Он по природе человек ДОЛГА, но долга не только перед близкими и своим обществом, но как пророки – долга перед самой историей. Миссионерская черта...» [2].

Грушин не успел дописать задуманное, а мы еще до конца не понимаем значение его замысла и проделанный им путь к его реализации. Ясно одно, никто из советских / российских социологов не мог даже замахнуться на анализ общественного сознания населения в эпохи Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. А без Грушина решится ли кто-либо, добавив и эпоху Путина?

Когда я писал книгу о Грушине [3], я не связал «Четыре жизни...» с тематикой его кандидатского исследования. А зря, возможно, в ней – корни этого его историко-социологического труда. Та его давняя работа, которую он защищал три (!) раза, называлась «Приёмы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития» (в 1961 году она вышла в виде монографии: «Очерки логики исторического исследования»). Четырехкнижие – это по сути множество различных, но единых в логическом отношении фигур, или конструкций.

Вдова Грушина Наталия Карцева писала мне: «Кто из мальчишек мечтает стать философом? Боря мечтал стать дирижёром. У него был абсолютный слух, и до войны он учился играть на скрипке. Война спутала карты, и когда семья вернулась в Москву из эвакуации, возможность серьёзно заниматься музыкой была упущена — тут, как и в балете, надо начинать гораздо раньше. Но безумную любовь к музыке он сохранил на всю жизнь. В основном он работал дома и всегда отгораживался от всей домашней суеты стеной из музыки». Интересно, какие диски, пластинки он слушал при разработке общей концепции анализа информации, собранной в разные годы. Наверное, фуги Баха, Гайдна, что-то классическое, строгое, готическое. И одновременно – романтическое.

Я помню, как сидел напротив Бориса Андреевича у него дома и объяснял ему, почему разработанный и испытанный им подход к осмыслению «фотографий» сознания прошлого я обозначаю голографическим. В основе голографии как направления физики лежит способ получения объёмных изображений предметов на фотопластинке (голограмме). Грушину удалось плоское в прошлом «изображение» сделать объёмным. Это позволяет рассматривать и анализировать те свойства «сфотографированной» много лет назад реальности, которые не обнаруживались в её плоской, двумерной проекции. Мне сложно представить историков, социологов середины текущего века, которые при изучении России второй половины XX века не будут заглядывать в «Четыре жизни России».

Все, что делал Грушин как исследователь, неотрывно от видения им пути, которым должна двигаться страна в будущее. Все пронизано его стремлением к развитию в стране демократии. И трагедия Грушина, о которой говорилось выше, усиливалась его пониманием несбыточности этой еще юношеской мечты. В воспоминаниях одноклассника и друга всей жизни Грушина Андрея Косинского отмечается, что в школе он свято верил в наступление коммунизма в ближайшее время и все

сомнения по этому поводу отвергал в самой категорической форме. Но в годы перестройки он назвал свою передачу на Радио «Свобода» «Общество Кафки Корчагина».

В дни прощания с Грушиным А. Г. Здравомыслов писал: «Когда-нибудь – пройдет время – и Борису будет поставлен памятник, может быть, на Волхонке 14 у здания Института философии РАН с надписью: "Первому россиянину, описавшему сознание людей в эпоху социотрясений 60-х и 90-х."».

Вполне возможно. Борис Грушин – это надолго.

1. Массовая информация в советском промышленном городе / Под ред. Б. А. Грушина, Л. А. О니кова. М.: Политиздат, 1980. <http://www.mediafire.com/file/z3h7cbi9aog3do/%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F+%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D0%B2+%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%BC+%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B5.pdf> .
2. Электронное письмо В. Ядова Б. Докторову от 10 мая 2009 г. (Архив Б. З. Докторов).
3. *Докторов Б.* Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370>.

13 сентября 2017 г.